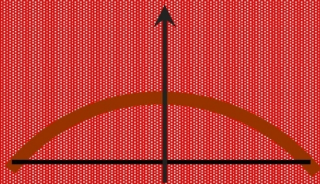

18+

Дан Берг

Виноградник

Навота

Дан Берг

Виноградник Навота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61554532

SelfPub; 2020

Аннотация

"Виноградник Навота" – одна из повестей цикла Библейских историй. По прихоти царской жены крестьянин Навот был оклеветан и подвергнут страшной казни приговором продажного суда. У этого Библейского сюжета имеются различные толкования христианских и иудейских мудрецов. Настоящая повесть представляет собой достаточно свободную интерпретацию древнего события. Современный читатель найдет в ней вещи неподвластные векам – любовь, гордыню, жестокость, коррупцию.

Дан Берг

Виноградник Навота

Свадьба

1

Без малого три тысячелетия минуло со дней правления израильского царя Ахава. Две столицы-крепости стояли на страже его государства – Шомрон и Изреэль. Дворец, скорее, дом монарха в Изреэле не отличался роскошью, но, как известно, не по обители почитают хозяина, а по хозяину – обитель. Все же стены палат были сложены из тесаного камня, не в пример утлым деревянным и гляненым жилищам большинства горожан. Окна глядели на крепостные ворота, обширная городская площадь простиралась меж воротами и домом.

Ахав не часто навещал свое изреэльское жилище. Царь, радевший за благо страны и подданных, мало предавался неге домашнего тепла, но воевал с врагами, обращал недругов в друзей, создавал союзы, заключал мир, объявлял войны. Домашний очаг надежно хранила Изевель, жена его. Любовь, верностью и советом она расцвечивала скупую на услады жизнь государя. “Добавить радость к заботам!” – думала она.

Гонец сообщил, что в Изреэль на днях прибудет Ахав. Загодя Изевель готовилась к встрече. Что надеть, чем украсить себя, чем озадачить повариху – много дел! А какие подарки привезет? Не в правилах Ахава являться с пустыми руками! Настоящий мужчина знает, что женщине нельзя дарить ничего такого, чего бы она не могла надеть.

За хлопотами Изевель чуть было не запамятовала приглашение Навота. Зажиточный этот крестьянин женит сына. Шум на городской площади наполнил о торжестве. Уроженка Цидона, царская дочь Изевель всем сердцем любила веселые да буйные празднества отчего края. “Вот случай вспомнить родное! И соседа доброго уважу. Надену диадему – ведь царская жена я!” – воодушевилась гордой мыслью Изевель.

2

Свадебная процессия неторопливо двигалась по площади к дому Навота. Миновали рынок. Торговцы и покупатели охотно принимали кружки с вином, наполняемые одна за другой отцом новобрачного. Во главе процессии шествовали молодожены. За ними тянулись почетные гости – городской управитель, священники, старейшины, судьи. Все с женами и старшими чадами. С бубном в руках, изрядно охмелевший городской шут, пританцовывая, распевал:

*“Трудяга Навот –
Хитер, доброхот!”*

*Зазвал всех господ,
А сам-то ведь жмот!”*

Шуту все позволено, но когда насмехается – его бояться!
“Стражник! – вскричал городской управитель Зимри, – угоди-ка дурака кнутом и прогони прочь!”

Изевель встретили криками ликования. Не кичась и не чинясь, она бросилась навстречу молодым. Расцеловала разряженную невесту, обняла солидного жениха. Смутив богобоязненного Навота, пропела новобрачным языческое благословение, словно забыла, что в Изреэле, а не в Цидоне она. Изевель расцепила руки молодых и одела каждому на палец по золотому колечку. “От богини Ашеры. Она любит вас. Благословенны будете большим потомством!” – промолвила Изевель и покосилась на Навота. “Как бы не дошло до Эльяу... Не терпит пророк наш поклонения чужим богам!” – в страхе подумал крестьянин.

Невелики были города в древности, и шествие скоро оказалось у цели.

3

Ворота гостеприимно распахнуты. Виновники торжества и гости вступили в широкий двор. Овцы предусмотрительно заперты в загоне. Привязанный к столбу осел оторвался от корыта с водой и в изумлении разглядывал входящих. Этот

работяга привык видеть на своем дворе много труда и мало людей. Сейчас он дивился на великое множество праздных двуногих.

Посередине горницы стоял огромный брачный стол, сооруженный из досок, покоившихся на пустых бочонках. Вдоль стола тянулись лавки, устроенные таким же образом, как и стол, но на бочонках пониже. Три стула со спинками предназначались для новобрачных и Изевели. Женским глазом царская жена сравнила свой терем с гнездом Навота. Перевес был на ее стороне, но нерадикальный. Посему призвала на помощь утешительную мысль, мол, что для крестьянина дом, то для государя – страна.

Гости расселись. Всем достались глиняные тарелка и кружка и деревянная ложка. Вдоль стола высились большие кувшины с вином, каждый в окружении масленки, чаши с уксусом, чаши с солеными маслинами и солонки с крупной солью. Работник принялся носить со двора кушанья. Подогретый ячменный хлеб, горячие лепешки из муки, козий сыр. Потом настала очередь печеных овощей, а за ними, как заведено, последовала похлебка. В кружки из кувшинов каждый наливал сам. Вино Навота – выше всяких похвал. Работник то и дело уносил пустые кувшины и возвращал полные.

“Угощайтесь, дорогие гости! – приговаривал Навот, – по-

ливайте лепешки маслом, мокайте хлеб в укус и вино пейте на здоровье, не жалейте – сам давил, из моего виноградника оно! Вон из того, что соседствует с домом Изевели, любимицы нашей общей!” Трапезничавшие охотно следовали радушным хозяйским рекомендациям, вот только мясного блюда не дождались. Едоки угощению друзья, а не угостителю.

“Не праздничная неделя нынче, мясо дорого! – пояснил Навот, – денежки потратил на могоар, чтоб красавицу выкупить!” – сказал он, ласково взглянув на смутившуюся новобрачную. Не уверившись, что оправдался, прибавил: “Вот и работник мой... Он ведь раб мне за долг старый. Шестой год на исходе, а он не хочет дом покидать, говорит, мол, хорошо мне у тебя, Навот, ты добрый, щедрый. А ведь священник не задаром ухо прокалывает...”

Навот крестьянин боголюбивый. Трижды в год по праздникам восходит он в Иерусалим и молится в Храме. Господь одарил его чудным голосом, и он поет умеючи и торовато. На площади возле Храма люди собираются вокруг Навота и слушают угодные Богу гимны, и сам Эльяу, бывало, стоит среди почитателей пения, любящих Слово Божие. “Любовь вдохновляет на песни, а песни рождают любовь!” – говаривал пророк Навоту, разумея под любовью чувство к Господу.

Вот и на свадьбе сына Навот затянул торжественную оду, дабы не случилось уныния среди гостей. “Какое тоскливое гудение! – отметила мысленно Изевель, – неплохо бы иудеям поучиться у нас лихому да безоглядному веселью!” Однако, ни слова не вымолвила, увидав, как с первыми звуками псалма раскрасневшиеся от вина лица приняли непроницаемо набожное выражение.

В конце пиршества возлюбивший хозяина работник принес пирог с сушеными фруктами. Изевель отведала и подумала: “Ахав на днях придет. Он любит сладкое. Порадую-ка его новинкой!” Она повернулась к смолкшему после вокального труда Навоту: “Сосед, дорогой, скажи, не таясь, кто испек этот чудный пирог?” Польщенный хозяин гордо указал перстом на новобрачную: “Это невестушка моя сотворила! Золотые руки!”

Изевель вскочила со стула, обняла мастерицу, расцеловала десять умелых пальцев. “Я мужа хочу таким пирогом порадовать. Можно я пошлю к тебе свою повариху? Расскажешь ей секрет?” Счастливый родитель опередил новобрачную: “Разумеется, дорогая наша Изевель! Присылай, непременно присылай!”

Изевель засобиравалась домой. На прощание сказала: “Благодарствую, Навот! И вы, молодые, уповайте на золотые ко-

лечки – Ашеры верный посул! У нас в Цидоне свадьбы тонут в цветах. Уж простите меня, но нет в моем доме цветника. Если богам угодно будет – появятся и у меня грядки с ирисами и розами!”

Ахав приезжает в Изреэль

1

Изевель, как и задумала, отправила повариху к Навоту – разузнать у новобрачной обещанный секрет сладкого пирога с сухими фруктами. Далее путь кулинарки лежал в городские лавки. Приданный ей юный помощник катил наполненную всяческой снедью тележку. Груз всё ворзастал по мере приближения к дому. В комнатах и во дворе трудились слуги. Ахав любил чистоту и порядок: “Добрые дела зиждются на добром порядке!” – скромно и поучительно говорил царь.

Изевель глубоко задумалась: во что нарядиться и как украсить себя для встречи с супругом? Она полагала, что сообразное одеяние есть свидетельство мудрости ума. “Платье надено из красной материи, мне этот цвет к лицу. Или предпочесть белое? Сандалии или полусапожки? Примерять и еще раз примерять!” – рассуждала Изевель. Были призваны две служанки. Одна полировала слегка потемневшее золотое зеркало, подарок Ахава, другая помогала выбрать единственно правильный наряд – добавляла идеи и изгоняла сомнения.

“Мои украшения – наше общее с Ахавом упоение! – размышляла Изевель, – он подарков не помнит, но обожает преподносить, а я таю, надевая! Возьму-ка крошечные сережки и колечко под пару. Увидит эту малость, и вырастет новый дар в глазах его, и радость в сердце взиграет!” Диадему, с короной схожую, она отвергла. “Корона – царский атрибут. Есть царь один – Ахав, а я жена его, и я не посягаю!”

Приятны ушам Изевель слова Ахава “Ты – моя царица!”, однако, не должно им обоим принимать сие всерьез. Она лишь помогает ему спросить ее совета, чтоб не советовать без спроса. Исполняя только часть, но стараясь потрафить супруге, он представляет дело, как плод ее задумки. Распознав добронамеренную хитрость, она молча довольствуется частью, ибо целое у нее с запасом изначальным. Благоразумие плохо бережет от бед, но хорошо уживается с любовью.

2

Утомленная приготовлениями, Изевель уселась против отполированного золотого круга. Строго, но с удовлетворением принялась рассматривать свое отражение. Известно ведь: женщина хорошеет на глазах, лишь только взглянет в зеркало. Волосы блестят, черны, как вороново крыло. Густые и прямые. Длиной почти до пояса. Один седой, коварно затесавшийся, был решительно удален.

Брови яркие, некрутой дугой обрамляют низ лба, по-

что сходятся на переносице. Нос слегка вздернут, размером невелик. Подбородок чуть скошен. Глаза большие, черные, выпуклые, бойкие. Досаждают родинка, придающая асимметрию лицу. Кожа смуглая, но не слишком. Пальцы тонкие и длинные, умеют ловко щипать струны арфы.

“Я родила троих детей, но, кажется, не подурнела. Морщин почти не видно. Разве, чуть-чуть на шее. Чем бы закрыть? Пусть их... Морщин не миновать, лишь бы не на сердце! Как прежде я высока, стройна, тонка. Походка легкая. Волосы и глаза – гордость моя. Не знаю, изменился ли характер... Разве кто скажет?” – думала царская жена.

Изевель отомкнула важный сундучок. Внушительен арсенал белил, румян, масел, красок, благовоний и прочих орудий женской приманчивости. Она стала перебирать маленькие, плотно закрытые глиняные кувшинчики, серебряные коробочки, шелковые мешочки. “Не навреди, крастоту украшая!” – провозгласила Изевель.

Приняв серьезные решения, отметя крайности и не сойдя с серединной золотой тропы, она закрыла сундучок, отвернула от себя зеркало и принялась вспоминать сватовство и замужество. Изевель, дочь цидонского царя Этбаля, как увидела впервые Ахава, влюбилась сразу. Мощная его фигура, крупная голова, прямой нос, светлые кудри – разбудили дре-

мавшие мечты. И глаза его полюбились ей. То дерзкие, то добрые, то хитрые.

Молодой израильский царь Ахав брал девицу в жены ради дел государственных, ради союза с Этбалем. “Пасть так! – говорила себе невеста, – я знаю, он непременно полюбит меня! Разве не хороша я собой? И по вкусу ему бедовый мой нрав! Подслушала я, как отец сказал Ахаву, мол, умна девка, не раскаешься, бой-бабой станет – тебе в подмогу!” Ахав и впрямь полюбил молодую. Она улыбнулась приятным мыслям: “Воспоминаниям, как волшебными сапогам, сносу нет!”

Изевель, дочь племени канаанского, не изменила своим богам. Став мужней женой, наотрез отказалась скрывать под покровом чудные волосы. Поначалу украдкой от мужа, а потом не таясь, служила Баалу и Ашере – покровителям отцовского края. На жену глядя, Ахав и сам перестал чураться язычества. “В нем немало греха, но и радости жизни много!” – думал израильский царь. Он строил запретные жертвенники, гневя Эльяу, наставника народа иудейского. Впрочем, учеников пророка он кормил с царской щедростью, а детей своих назвал именами израильскими.

3

Шум за воротами. Топот копыт. Царь приехал! Верхом. Охрана невелика. Кого ему бояться? Народ верен влады-

ке. Принес мир израильскому царству. “Мечи и стрелы войска моего – лучшая порука миролюбия соседей!” – говорил монарх. Войдя в союзы, остановил превосходящего врага. Купцам доставил выгоды, землепашцам – покой. Строя города, дал заработок неприкаянным бродягам. Не в пример Эльяу, не гнал из людских сердец любовь к понятным древним богам. “Зачем время торопить?” – думал Ахав.

Изевель выпорхнула навстречу. Объятия и поцелуи. Тотчас же Ахав узрел скромнейшие сережки. Достал из походной сумки шкатулку. “Открой-ка!” – выпалил, сгорая от нетерпения вручить подарок. “Какое чудо! – воскликнула восхищенная Изевель, извлекая из бархатных недр ожерелье, – индийские самоцветы! Я именно об этом и мечтала!” Она бросилась к зеркалу, надела украшение на шею. “Прощайте, морщины!” – ликуя, вымолвила тихо.

После славной бани Ахав с умиротворенным лицом сидел в горнице, вкушал произведения жениной поварихи. Изевель сама подавала ужин. “Отведай, милый, вот этого пирога с сухими фруктами, – сказала Изевель, – ты еще не разлюбил сладости?” Ахаву ничего не оставалось, кроме как вкушать и похваливать.

– Это новое у тебя. Откуда? – спросил Ахав.

– На днях сосед Навот женил сына. Новобрачная испекла.

Я к ней подослала повариху.

– Кто он, Навот?

– Крестьянин, кажется.

– Что видела в доме его? Довольны ли землепашцы царем своим? Сыты ли?

– Мясное блюдо не подали. Навот сказал, мол, на могоар потратился. Я думаю, он скуп.

– А дом каков?

– Пол земляной, не каменный, как наш. У домов, как у людей: есть душа, лицо...

– Одарила молодых?

– Конечно. Вот только не принесла цветов на свадьбу...

– Отчего не принесла?

– Нет цветника у нас, а я так люблю цветы!

– Поправить можно!

– Виноградник Навота с нами по соседству. Купить бы эту землю, я б развела розы, ирисы...

– Купим!

Ахав воодушевился. Он знал свой грех перед женой. Мало ласки выпадает на долю Изевель. Войны, походы, враги, друзья... Заботы царства он не отменит, еще и потомкам оставит. Тревожна душа, что о будущем радеет. “Мой щедрый дар ублажит и заместит! – подумал Ахав, – куплю у Навота землю, сколько ни запросит!”

С царской щедростью

Итак, Ахав чрезвычайно обрадовался просьбе Изевель. Купить у соседа виноградник – ведь как просто царю исполнить желание такое! Чересчур просто. “Сердцу Изевель цветы дороги, а моему сердцу дорого ее сердцу угодить! – размышлял Ахав, – жаль даже, что это для казны моей не дорого! Скоро снова в долгий поход. Затоскует черноокая. Утешат, усладят, увеселят аромат и краски в саду...”

На утро Ахав отправился к Навоту. “Сосед мой землепашец. Значит наделом своим дорожит – ведь спину гнул над сохой да над мотыгой. Небось, и отец и дед его эту землю потом своим полили. Однако, в деньгах нуждается, возможно, скуп. Это к делу славно идет! – думал Ахав, – приду к нему запросто, по-соседски, не как царь!”

– Приветствую тебя, Навот! – весело сказал Ахав, войдя во двор.

– О, Ахав! Какая честь! – промолвил Навот и поклонился.

– Война дала передышку. Зашел проведать соседа.

– В дом проходи, царь, милости прошу!

– Сына женил, Навот? – спросил Ахав, усаживаясь на лавку.

– Женил, Божьей волей. Невестушка хороша!

– Изевель сказывала. Должно быть, могоар тяжел тебе был?

– Ого! Порастратился изрядно... Однако, царь, отведай

вина из моего виноградника!

– Замечательное вино! А пирога вашего я давеча вкусил.
Люблю сладкое.

– На здоровье, царь. Ты – наш радетель. Народ все видит.

– Дело у меня к тебе, сосед.

– Какое? – пролепетал Навот, испугавшись общих дел с самим государем.

– Мне нужен твой виноградник. Вернее, земля под ним.

– Виноградник?.. Земля?.. Зачем тебе, Ахав, ведь столько угодий у тебя?

– Он возле дома моего. Будет цветник для Изевель.

– Цветник? Выкорчевать виноград?..

– Навот, я к тебе с открытым сердцем и с царской щедростью пришел!

– Поясни, Ахав...

– Речь истины проста. Я дам тебе взамен надел лучше и больше твоего!

– Лучше и больше?..

– А если хочешь, золотыми монетами заплачу. Любую цену назови!

– Любую цену?..

Навот побледнел. Холодный страх сковал язык и ум. Ему, простолюдину, торговаться с царем? Не было в его жизни минуты тяжелее этой. “О, Ахав! – заговорил вновь обретший дар речи Навот, – я не могу решиться ни на что. Я должен

подумать, таковы мы все, крестьяне! Не взыщи, государь!”

Ахав не подал виду, что не доволен робостью соседа и непочтением к царскому великодушию. Простота есть самая трудная вещь на свете, простой – уже велик. Монарх встал, обнял окаменевшую фигуру Навота и сказал на прощанье: “Я вижу, дело мудрено для тебя, однако, бояться горя – счастья не знать. Закончим в другой раз. Не мешкай долго с ответом, Навот. Армия в Шомроне ждет меня!”

2

Израильский царь Ахав горячо любил свой народ, а Эльяу, пророка и учителя народа, любил меньше. Упрекал дидактика, многобожников карающего, за неразумную горячность. “Беспощадным мечом Эльяу самолично убивает языческих жрецов Баала, многими израильтянами почитаемого – так ли сей законник думает достичь признания людского?” – размышлял Ахав.

И все же царь покровительствовал ученикам пророка. “Придет их время!” – думал. А те повторяли за Эльяу, мол, постигают они мудрость необходимой иудеям веры, готовятся нести людям слово Божье и являть праведности пример. Царь освободил их от бед солдатчины, а пророк взывал равно к богатым и малоимущим питать будущих светочей, дабы бремя заботы о хлебе насущном не мешало учению.

Число их было велико и росло неуклонно, но Ахав с царской щедростью кормил смышленных юношей. К огорчению супруги-язычницы, царь усаживал во дворе дома армию книжников, и они ели и пили до сыта. Даже мясо, коего не было на празднике у крестьянина, дымилось в больших блюдах, расставленных вдоль огромного стола.

Ахав сидел в своей горнице и через открытое окно рассеянно слушал беседу трапезничающей молодежи.

– Наш покровитель щедр. Одаривает нас, пропитание дает!

– Быстро надоедает быть щедрым!

– Долгих лет ему! У щедрого богатство неисчерпаемо...

– Да уж, неисчерпаемо! Говорят, двести пятьдесят два города во владении Ахава!

– А я слышал, что у него сто сорок сыновей, и у каждого по два дворца слоновой кости!

– Сплетни это! Царь наш почитает слово Божье, он знаток великий!

– Как-то владыка царства соседнего пригрозил Ахаву, что отберет все его богатство...

– А наш-то что ответил?

– Он ответил, что все готов отдать, а святую книгу Торы – не отдаст!

– Не потому не отдаст, что дорога сердцу его, а потому,

что не ему принадлежит!

– Эльяу говорил, что Ахав настроил храмов языческих и чужим богам служил!

– Ахав не виноват! Изевель наущает его!

– Я слышал, она на флейте играет, а он танцует...

– Она не на флейте, она на арфе играет!

– Да не о том речь!

– Изевель губит богатства страны, трудом землепашцев и воинов создаваемые!

– Крадет?

– Не крадет, а кормит дармоедов, четыреста жрецов Баала!

– А я еще другое слышал, что силы мужской у Ахава мало, и Изевель, страдая...

– Что вытворяет?

– Говори скорей!

– Никто не слышит?

– Никто не слышит, говори!

– Чтоб раздодорить мужа, сажает ему в колесницу...

– Ну, не тяни!

– Сажает двух деревянных идолов – обнаженных женщин – в развратных позах!

Ахав досадливо закрыл оконный ставень. “Болтуны. При случае нажалуюсь на них Эльяу...” – подумал.

Навот получает советы

Навот в Изреэле человек уважаемый. Любят его горожане. Землепашец. Простой, без обмана. Есть у него поле за городской стеной, и луг там же. Растит хлеб и пасет овец. Пропитание трудом добывает. А еще имеется у него виноградник. От предков достался ему. Замечательное вино получается – и себе хватает, и на продажу остается. Вот только гнездится у Навота в сердце беспокойство смутное – виноградник смежен с царским домом. Вроде, ничего дурного, но кто знает, что день родит... С тревогой в душе нет счастья полного.

Говорят про Навота, мол, скуповат. Неверно это, да ведь и крестьянин же он! Нельзя труженика за расчетливость упрекать. Не берег бы скромное добро, не прикапывал – как бы сына женил? Только скупой всегда нуждается. Незачем досужие толки слушать. Раб Навота, что неоплаченный долг отработывает, доволен хозяином – кормит, одевает, не обижает. Истекут положенные шесть лет, и не покинет он Навота, останется в работниках. Не быть жадным – богатство, не быть расточительным – доход.

В вере Навот неколебим: есть Бог один, Бог Израиля, и нет иных богов. Он не служил и не станет служить Баалу, Ашере и прочим идолам чужим. Но с Изевель, язычницей, об этом предмете говорить не будет. Вера у него в сердце, не на языке. Да и не решится простолюдин перечить царской

жене.

Навот обласкан пророком Эльяу: праведник среди простых людей – это опора наставника в народе. Любит Эльяу своего приверженца, всегда есть у него для Навота доброе слово, похвалит, ободрит, худого не посоветует.

Предложение царя Ахава испугало крестьянина: потемки удачи, холод новизны. Не влечет неизвестность, мучительна она. Ясно Навоту, что не постоит государь за ценой. Не продать виноградник – выгоду явную упустить. А продать – строй жизни порушить. Сжился он с землей своей, да и весь род его с надела этого вино давил!

Однако, Навот соображениям своим не сильно доверял и ум свой не высоко ставил. “Не решить мне дела самому. Не торговец я, а работяга. В беде поздно совета спрашивать. Потороплюсь, пойду к людям, что поумней меня. Хороший советчик – лучше богатства!” – изыскал он, наконец, спасение от раздумий.

2

“Перво-наперво – обратиться к священнику. Он знает молитвы наизусть и читать может. К нему люди идут отовсюду, кто за утешением, кто с вопросом жизненным. Поведаю ему мое затруднение, выслушаю, что сажет ученый человек!” – размышлял Навот.

Священник внимал каждому слову Навота. Серьезно и с важностью. Достал свиток, стал крутить его. Лучиной заложил одно место, потом другое. Снова углубился в размышления. Наконец, лицо его просветлело. “Вот, Навот, ты чадо женил Божьей волей, – сказал священник, – а ведь дорого тебе встало сыновнее счастье! Небось, теперь молодые своим домом заживут. Понимаешь ли, прямой и честный человек, куда я клоню?” Навот не отвечал, он завороженно глядел во все глаза на мудреца, на свиток, из которого выглядывали лучинки: это по его делу они заложены!

“Я полагаю, Навот, если виноградник удобрить, да о земле позаботиться получше, то ведь и бочек с вином выйдет больше, – продолжил священник, – стало быть, и десятина храмовая увеличится, а это дело богоугодное, и если будешь ему способствовать – зачтется тебе на высшем суде!” Навот поспешил с ответом: “Рук не хватает!”

“Вижу, ты понял меня, Навот. Дай согласие Ахаву! Все говорит за это – в средствах ты опасно ограничен, и рук мало для работы настоящей. Так и погубить виноградник недолго. В свитке моем подобный случай разобран, и такое же поучение выведено!” – закончил беседу священник.

“Должно быть, я получил совет обдуманнный и честный, –

соображал Навот, – но надо знать другие мнения. Пойду я к Зимри, городскому управителю. Он человек бывалый. Себя провести не даст и простого землепашца не обидит. Люди молвят, дескать, Зимри во всем выгоду ищет. А разве бедняк поддержать добрым словом не выгода пред будущим судом небесным? Кто свои дела устраивает ловко, того совет внимания стоит!” – говорил себе Навот.

Зимри был рад гостю. Он всегда старался помочь человеку, ибо служба его такая. Во-первых, она к этому обязывала, а во-вторых, нужными средствами снабженная, делала сие совсем нетрудным. Память у Зимри была отменная. Когда, кому и в чем пособит – обязательно запомнит.

“Веселой свадьбой порадовал нас, Навот! – приветствовал Зимри гостя, – а пел-то ты как красиво! И вино твое великолепное. Каждый день пил бы такое, да должность не велит! С невесткой тебе удача – работница усердная, и красавица! Чай, могар немалый заплатил?”

“В корень смотришь, Зимри. Нет добра без худа. Порас-тратился, долгов боюсь. А тут Ахав просит мой виноградник в обмен на больший и лучший, или золотыми монетами, говорит, щедро заплатит. Пришел я к тебе за советом. Отдать виноградник? Все ж душа моя к земле этой прикипела!” – выложил свое дело крестьянин.

Городской управитель задумался. Достал из сундука глиняные таблички, стал знаки на них проверять. “Городское хозяйство учета требует, – пояснил Зимри гостю, – Скажи-ка мне, любезный, сколько напитку дает лоза твоя?” Навот озадаченно поглядел на Зимри. “Не знаю. Я неграмотный и бочки не считаю, скажу только, что щедра моя земля!” – ответил, как мог, землелашец.

“Слушай меня внимательно, Навот! – возгласил Зимри, – вина ты давишь много, а налогов в городскую казну платишь мало. Вот, тут на табличках отмечено, гляди. Средства городские все больше сиротам и вдовам предназначены, как тебе известно. Ты человек божий, милосердный и не захочешь у неимущего отнять. А платить тебе нечем, и так ты в долгах! Продавай Ахаву виноградник – вот мой совет!”

“Двое грамотеев советуют продать землю, – размышлял Навот, – однако, образованные говорят не то, что сами думают, а что другие до них думали. Посему я должен спросить человека приближенного к престолу небесному. Я пойду в Иерусалим, разыщу Эльяу. От него услышу слово Божье, слово истинное. Что он скажет мне?”

И Навот пришел в Иерусалим, хоть и не праздничный день был, и отыскал Эльяу, и попросил помощи.

– Праведный Навот, зачем Ахаву виноградник твой? – первым делом спросил пророк.

– Царь хочет Изевели угодить, чтоб развела цветы, – ответил Навот.

– Ты ведь землепашец, Навот!

– Потомственный!

– Не гоже крестьянину землю-кормилицу из рук выпускать пустяков ради!

– Да, Эльяу...

– Неужто ты, верный поборник мой, захочешь многобожнице услужить?

– Нет, Эльяу...

– Вот еще причина не отдавать виноградник!

– Да, Эльяу...

– Откуда сей надел у тебя, Навот?

– Отец, и дед, и прадед, и отец прадеда и так дальше – все владели им!

– Нельзя наследие отцов чужому уступать! Ты хочешь пред Богом согрешить?

– Нет, Эльяу...

– Откажи Ахаву!

– Что сказать ему?

– Молви: “Сохрани меня Господь, чтобы я отдал тебе наследство отцов моих!”

– Робею я так дерзко отвечать царю!

– Язычеству пособник не заслужил иного! А я тебя не дам в обиду!

– Благодарствую, Эльяу!

– Запомни, Навот: коли ослушаешься, лишу тебя расположения моего, – изрек пророк.

Простолюдин Ахав и царь Навот

1

Ахаву донесли, что Навот принялся искать советчиков. Словно мало крестьянину этому щедрости монаршей, будто торговаться намерен с государем и честью оказанной пренебрегает. Наконец, вернулся Навот из Иерусалима. “Не гоже мне идти к нему за ответом, словно о милости просить, – размышлял Ахав, – он сам должен ко мне явиться и желание мое исполнить!”

Навот медлил, а монарху невтерпеж было порадовать себя и Изевель желанным даром. И, скрепя сердце, он во второй раз пошел в дом к землепашцу и утешился, говоря себе, мол, коли начал хорошо, то и кончай не хуже – пусть знает народ, как прост и добр царь.

Навот увидал высокого гостя и побледнел. “Здравствуй, сосед, – промолвил Ахав, сверля взглядом хозяина дома, – видишь, вновь я у твоего порога, точно простолюдин за милостью к господину явился. Ударим, что ли, по рукам?”

Навот отвел взгляд, не вынеся устремленных на него гордых очей. Потом ободрился, вспомнив обещанную защиту пророка, вдохнул поглубже, устремил глаза на царя и выпалил роковые слова в точности, как учил его Эльяу: “Сохрани меня Господь, чтобы я отдал тебе наследство отцов моих!”

Пришла очередь Ахава побледнеть. Когда робость говорит, гордость слишком молчалива. Ни слова не вымолвив, монарх вышел из злосчастного этого дома и вернулся в свои покои.

2

“Поделом тебе, владыка мягкосердный! – не щадя, корил себя Ахав, – вот как чернь за добро платит! Да разве могу я не по-хорошему, а силой завладеть землею подданного? Нет царю такого предпочтения в законе. А я в государстве своем पहले всех законам подчиняться должен!”

Ахав взошел на ложе свое. Лежал на спине, смотрел в потолок, страдал. Не привык видеть затеянное неисполненным. Спросил бы кто его, от чего больше терзался – от того, что Изевели не потрафил или по причине гордости уязвленной – и не знал бы Ахав ответа. Весь день напролет, пока не стемнело, не ел и не пил от горя и бессильной ярости.

Вошла Изевель и увидала, что мрачен муж, лица на нем нет, и пища и питье не тронуты. “Не захворал ли?” – встре-

вожилась жена. Пришлось Ахаву открыться, какой сюрприз задумал сделать ей, и как все плохо вышло. “Каким языком отказал тебе Навот?” – спросила Изевель. Он так сказал мне: “Не отдам я тебе виноградника моего!” – ответил Ахав, и значение произнесенных им слов понравилось ему.

“Негодяй! Смерд чумазый! – вспыхнула Изевель, – дерзить царю и благодетелю! Так и сказал, мол, не отдаст тебе виноградника своего? Выходит, тебе не отдаст, а другому, глядишь, отдаст?” Ахав помедлил, потом ответил: “Да, Изевель, так и сказал. Пожалуй, права ты – другому отдаст...”

Воцарилось молчание. Изевель негодовала. Гневу всегда есть причина, да надо ли искать ее? Ахав же думал, что никак нельзя оставить без последствий это дело. Унижение не прощает обид, гордость всегда возместит свой убыток. Не под силу ангельская кротость сердцу царскому. Да и неужто не порадует супругу? Однако, нет для него законного пути. Для него нет. Да разве один он?

“Хорошо, что я чуток переиначил слова Навота, – размышлял Ахав, – они воспламенили Изевель. Я бросил камень в воду, посмотрим, как далеко круги разойдутся. Я царь, я иудей, в государстве моем израильском я буду образцом законопослушания. Но Изевель, мною возлюбленная и преисполненная любви ко мне – чужая закону нашему, и ве-

ре, и духу тоже чужая. Убеждена она, что правда ее правее нашей правды, и посему, что б ни случилось дальше, я совети ее ущерб не нанес!”

Мечтавшая прежде о цветах Изевель отмела решительно пустую прихоть. Она сострадала Ахаву, тяжелы ей муки его. Чтоб не добавлять ему горя, она не сказала, что уж забыла о былом желании, исполнение коего для него важней, чем для нее. “Он чернью уязвлен, не видит, как себе помочь, – думала Изевель, – я спасу его! Смертельно опасно Ахаву на войну идти, коль дух его упал. Да и простолюдина нужно прочить!”

Изевель нарушила молчание. “Ахав, докажи, что ты властвуешь над народом своим! Да будет весело сердце твое! Не уступай тоске, ешь и пей. Ведь говорит безгрешный твой Эльяу – Бог даст, и все устроится!”

Ахав утолил голод и жажду, благодарно обнял супругу и ушел почивать. Буря в сердце не улеглась вполне. “Боль заставляet лгать, – думал он, – да только не так ужасна ложь, как правды видимость бесчестна...”

Письмо

Ахав простился с Изевель, удалился на покой и не пошел в спальню к жене. Да она и рада была. Бодрствовала всю ночь напролет, замышляла, затевала, раскидывала умом –

как поднять дух Ахава, как отомстить Навоту, как посрамить лукавую законность, как заполучить виноградник.

К утру созрел план. “Велико деяние, коли замысел велик. Без изъяна он, ибо ко всем целям приведет! – подумала довольная собой Изевель. Она выглянула в окно. На площади у городских ворот толпились почтенные из горожан, – Изреэль мал, а слухи – как борзые кони. Уж все всё знают. Отруби сплетне голову – язык живет!”

Хмельной с утра, городской шут плясал на площади и горланил куплет:

*“Лишь круглый дурак
Откажет царю.
Коль царь не простак –
Не простит плугарю!”*

Раздался крик Зимри, городского управителя: “Эй, стражник! Угости-ка кнутом пьянчугу, да гони его прочь!”

Из спальни Ахава не доносилось ни звука. “Спит, должно быть. Или удручен вчерашним.” – сочувственно подумала Изевель. Поднялась наверх. Секретная царская комната не заперта. Подошла к окованному железом сундуку – навесной замок снят.

“Он освободил запоры. Он задумал. И я задумала. Он надеется на меня. Он верит мне. Он молчит. И я буду молчать. И действовать. Он должен сохранить лицо. Он не просит меня. Он горд и благороден. Как я его люблю!” – думала Изевель.

“Закон не позволяет царю взять чужую родовую землю. Лишь у сына, наследника прямого, есть неотъемлемое право, – говорила сама с собою Изевель, – однако, в государстве этом единобожном, казнят всякого, кто хулит их Бога или царя, голову его отдают псам, а добро – монарху. Вот ядро замысла моего. Нужны свидетели. Двух довольно – так ведется суд. У них сам Бог нуждается в свидетелях. Они законы почитают? Я – тоже! Пусть все будет по закону!”

Изевель подняла крышку государева сундука, стала разглядывать царскую печать. Овальная, черного камня. Два воина изображены рельефно. Который в шлеме, держит лук и три стрелы, протягивает оружие второму. Это царь вручает бразды правления. Лук и стрелы – знак заимствуемой власти.

“Зимри, городской правитель, мне обязан. Отлично знаю грех его. Да все их судьи у меня в руках! – удовлетворенно подумала Изевель, – я напишу им письмо от имени Ахава!”

Изевель достала из сундука лист пергамента и подумала: “Как славно, что пока жила в девицах в отчем доме, отец приставил ко мне писца, чтоб грамоте выучил!”

По-царски коротко начертала: “Посадите Навота во главе народа. И посадите против него двух подлых людей, лжесвидетелей, и пусть скажут они, что проклинал он Бога и царя. Потом забросайте его камнями, чтоб он умер!”

Изевель прочитала написанное. “Скупое. Пусть так. Умный много говорит малым слов количеством. И в несказанных словах глубокий смысл есть. Поймут!” Она запечатала письмо царской печатью и со служанкой отправила послание к Зимри.

“Где был злой умысел – там есть вина, а кто не видит вины – того и умысел чист!” – думает Изевель, ищет правоту, гасит в сердце пожар.

Кормило и камарилья

1

Городской управитель без удивления принял письмо из рук служанки Изевели, словно ожидал некоего действия монаршего дома. “Печать царя, а посыльная – жены его! – понимающе усмехнулся Зимри, – посмотрим, что ждет наш Изреэль!” Он выпил глазами короткое послание, задумался.

“В повелениях государевых слов мало, а подданным исполнять указы – дел много! – с досадой проворчал Зимри, – надо двух подходящих людишек подготовить, да хорошенько заплатить им из казны городской. И о судьбе их дальнейшей позаботиться – первостепенно важно. Судей оповестить, разъяснить, настроить. Впрочем, они люди со смыслом. Медлить нельзя. Праведный суд должен быть скор, особенно если монаршей волей подсказан. И что Ахаву в этом Навоте? В крови у монархов дружбу водить с разным сбродом... А я от зари до зари в суете и заботах!”

Городские ворота в Изреэле – знатное сооружение: здание в два этажа, комнаты внизу и вверху, арка, в ней решетки железные, тяжелые засовы. В одной из комнат городской управитель собрал судей. Вместе с ним – пятеро их. Каждому показал письмо. Все прочитали, обменялись мнениями.

“Ждут. Ясно им, как и мне, что на пергаменте этом не царь, а жена его буквы начертала, – размышлял Зимри, – хорошо, что понимают. Довольны, кажется. Один расплатится, другой обяжет. Я каждого интерес знаю!”

“Вот, скажем, священник сей. Он против Изевели не пойдет. Она людей подбивает служить Баалу. Кое-кто следует за ней, а многие колеблются – в Храм идти или идолу по-

клоняться. Стоит Изевели захотеть, и сманит сомневающихся. И меньше станет прихожан у левита этого, и пожертвований меньше, и десятина его скукожится. Да и Навоту он отомстить не прочь, что совету его духовному не внял!”

“А у старейшины того сын в царской коннице служит. Он за воина своего хлопочет, написал прошение Ахаву, нельзя ли продвинуть отпрыска на начальничью должность. Теперь ждет ответа, надеется. Понимает: за добро добром платят.”

“А другой старейшина духом весьма молод. У него за городом, в поселении, наложница молодая живет. Она сестра служанки той, что мне письмо принесла. В доме ее с ведома царской жены свершаются изрядные празднества в честь Бала и Ашеры. И молодящийся этот судья вкушает восторги телесные, сколько сил хватает. Он в руках у Изевели, страшится должность свою скандально потерять!”

“Ну, а этот судья – почетный горожанин, сидит тут по праву богатства своего. Торговец. У него зуб на Ахава. Давняя история. Он и рад бы доложить Эльяу, как у царя суд вершится, но, знаю, будет молчать. Потому, как меня боится. Я сквозь пальцы смотрю, как он половину прибытка скрывает и налог в городскую казну платит половинный. Вот, и пригодится он мне сейчас!”

Так думал Зимри, глядя на верных общников своих, предвкушающих забаву в однообразии дней. А судьи глядели на него, и каждый знал про себя, что плутовство и благонадежность – кровные родичи, и управитель их – твердая опора в деле, ибо Изевель благосклонно не замечает, как каждое лето он берет для своего поля впятеро больше воды, чем ему по чину положено.

2

Быстро найти двух подлецов оказалось делом нетрудным. Зимри сыскал подходящих не из городских. Разъяснил своим избранныкам миссию их. “Не упущено ли чего? – размышлял Зимри, – огрехам не место тут, всегда найдутся враги да доносчики, суд должен быть праведным!” И все же, как ни стремился Зимри к безупречности свидетельства перед судом, в сердце его осталась маковая росинка сомнения. Но затерялась она в коробе хлопот.

“Вот вам, добрые друзья, плата вперед! – сказал городской управитель и протянул каждому его долю, – это половина, как и уговаривались. Вторую половину получите по завершении суда!” При этих словах Зимри отвернул лицо от новых знакомцев своих.

Суд, если праведен, то открыт и скор. Как наказала Изевель, посадили Навота во главе народа, и двое свидетельствовали, что он проклинал Бога и царя. И удивились горо-

жане, и ропот поднялся среди людей: “Не ждали мы от Навота мерзости! Такого царя хулить! Любимца народного! Да и против Бога зачем идти? Мы требуем кары, законом положенной!”

Обсудив дело всесторонне и приняв во внимание волю народа, судьи вынесли решение единодушно.

“Я обращаюсь к вам, честные горожане, жители Изреэля! – начал свою краткую речь городской управитель Зимри, – нас пятеро судей. И шестой судья – самый осведомленный, самый справедливый, самый просвещенный и самый милосердный – это вы, народ! Вина Навота доказана, и решение наше с вами едино: смерть богохульнику и царенавистнику! Закон требует за преступление сие побивание камнями. И быть по сему! Вы все должны явиться на казнь, и пусть каждый бросит свой камень!”

Гул одобрения взвился над площадью. Люди ринулись за городские ворота – взглянуть на правды торжество и участвовать в нем своею долею. “Легко и приятно править единомысленным народом!” – думал Зимри.

Покуда стражники выводили преступника к месту казни, Зимри вошел в комнату, где ожидали окончательной расплаты двое подходящих людишек, как он называл их, или двое

подлых людей, как величала их Изевель. “Пройдемте, друзья, в хранилище городской казны!” – сказал Зимри и открыл дверь в темное помещение. Он предупредительно пропустил их впереди себя.

Свидетели провалились в черную глубину погреба. Зимри поспешно задвинул тяжелую плиту, преградившую путь наверх несчастным и их крикам. “Голодные крысы за два часа оставят от них только кости! – удовлетворенно подумал наниматель, – законность должна быть последовательна. Лже-свидетеля подвергают такой же каре, какая была уготована оклеветанному им!”

“Все готово для казни, где же свидетели?” – спросил вошедший судья, почетный горожанин и богатый купец. “Они не захотели присутствовать. Я выпустил их из города через малые ворота...” ответил Зимри и последовал за торговцем к месту торжества законности.

3

В давние времена царствования Ахава любима была восточными владыками казнь через побивание камнями. Мучительная, унижительная и медленная смерть ожидала преступника. Множество людей бросали камни, и нельзя было знать, чья рука погасила последнюю искру жизни обреченного. Убийство общее, и палач – толпа.

Израильское царство гордилось перед языческими соседями гуманным прикосновением к судьбе смертника. Ему давали выпить чашу дурманящего зелья, и он не чуял боли и не кричал. Зато нежные сердца женщин и детей, созерцающих казнь, впитывали ее благородную цель и доброе начало и не сострадали понапрасну.

Зимри велел священнику приготовить напиток и влить в рот обезумевшему от страха Навоту. Затем стражники втащили связанного и похожего на кокон смертника на городскую стену и столкнули вниз. Он пострадал жестоко, но был жив. И тогда горожане принялись швырять в него камнями и делали это усердно до тех пор, пока не умер Навот.

Пир

1

“О, Ахав! Скорее сойдем в сад! – воскликнула Изевель, вбегая к мужу, – Навот уличен, казнен, и ты, монарх, наследуешь землю!” Ахав поднялся со своего ложа, тяжело и радостно улыбнулся: “Пойдем, Изевель, вступим в законные права!”

Взявшись за руки, царственная чета обследовала новое приобретение. Изевель щебетала, рассуждала где и каким цветам расти. Казалось, ликование плещет в ее глазах. Ахав благосклонно одобрял мечты-затеи. Скоро новая война, и не дожидаться ему первых бутонов, и пусть Изевель любит

красотой. Бывает, правда, что болит наследнику радость его.

“Уйду воевать, и вновь останется Изевель одна, и будет скучать без ласки и тосковать и тревожиться за меня. Как славно, что она получила вожделенное! Исполнив прихоть, примирю совесть с любовью. Безделица не заменит естества, но оставит сладкий вкус во рту. Хорошо и то, что наказан простец, на честь владыки покусившийся. Должен знать мир, что доброта монарха не убавляет от державности его. Жестокость творим не в угоду ей самой, а пользы ради!”

“Если складно все, отчего в душе темно? В царстве моем поруган закон, и душа невинная сгублена. Я хитростью подстрекнул к преступлению Изевель, ради мнимого блага ее, а, скорее, моего! Я предал возлюбленную, и по моей вине перст гнева Божьего на нее укажет. Единственно в царстве пребывает закон? В сердце нашем живет закон, он совестью называется. Царю, как немногим, о совести пристало печься, не только об имени!”

“Как будто, славно все вышло! – думала Изевель, – угождая мне, Ахав доказует любовь свою, и этим греется сердце его в бранном труде. Глупого простолюдина покарав, я не позволила пошатнуть царское достоинство и гордость монарха сберегла. Я обнажила пред Ахавом продажность слуг закона и веры его!”

“Но отчего так жирны черви, что грызут душу мою? Вижу, Ахав в смятении. На устах улыбка, а глаза потухшие, отводит их, лицо серое. Как на войну пойдет с тяжелым сердцем? Терзается преступлением своим, меня на преступление наведшим. Мы молчим о главном, и нет духу признаться. Стыдимся. Отныне тень легла меж нами. Общий грех разъединил, не сблизил! О, боги, что с любовью нашей? Опасливой, настороженной станет! Зачем мне земля Навота? Цветник к чему? Но нет возврата! Так ли? Годы не уничтожат своеручное зло, и оно замучит, возвращаясь в памяти!”

“Изевель, мы должны устроить пир, отпраздновать обретение наследия и торжество закона в моей стране!” – воскликнул Ахав. “Конечно, дорогой! Я позабочусь об угощении!” – в тон ответила Изевель. “Мы пригласим судей, что бескорыстно поддержали нас. Не поскупимся. Всех позовем, кто вместе с нами рад. Распахнем ворота дома, отворим двери кладовых с припасами, откроем запоры винных подвалов!” Изевель подумала, что соберутся те, кого недавно видала на празднике у Навота.

2

Гости расселись за щедрым столом. Царское угощение – не крестьянское! Ели и пили. Вели беседу. Каждый хвалил другого своими устами, превозносил себя устами других.

Изевель весьма благосклонна была к городскому правителю, и заключил он, что в отсутствие монарха царская жена не заметит, как и прежде не замечала, сколько воды из городского пруда орошает поле его. А священнику шепнула на ухо Изевель, не уведет, мол, прихожан его.

Ахав поздравил старейшину, что ходатайствовал о сыне, с назначением молодого воина командиром конников. А другой старейшина, тоже судья, поймал добрый взгляд Изевели. Она подмигнула ему, и догадался сластолюбец, что запоздалой и запретной страсти его ничто не грозит.

“Где же купец наш? Не вижу его среди гостей! – вскричал Ахав. “Я тут! – впопыхах воскликнул вбежавший в обеденную залу торговец. “Ты с опозданием уселся за царский стол! Ну, да ладно! Сегодня добр я. Не сержусь, и за былое – тоже!” – примирительно сказал Ахав.

Желая освободить от лишнего груза совесть, Ахав вознамерился забыть старый спор с торговцем. Увы, великодушие владыки не подкупит месть подданного. Подвластный и малоправный терпеливо дождетсa оказии, не грозящей ему бедой.

После суда купец решился. Пошел в Иерусалим, разыскал Эльяу и выложил ему дело. “Лжесвидетели не указали, где и

когда Навот преступил закон. К несчастью, никто из народа не заметил это и не возвысил голос – ведь свидетельства такого нельзя принять!” – закончил свою речь торговец. “Возвращайся в Изреэль!” – сказал пророк, сурово взглянув на доносителя. И тот помчался на царский пир.

Через раскрытое окно донеслись до пирующих нестройные звуки бубна. Городской шут пробрался во двор к царю и распевал новый куплет:

*“Оклеветан Навот,
И обманут народ!
А законник-то сед,
А закон-то наш лыс.
Кто принёс нам навет?
Спросите у крыс!”*

Смутившись, судьи огладили свои белые бороды. Изевель бросила мимолетный взгляд на брызги ранней седины в голове Ахава и пожалела, что нет поблизости зеркала, хоть и уверена была в безукоризненной черноте своих волос.

Строгий царский взор вывел из замешательства Зимри. “Эй, стражник, – вскричал городской управитель, – гони прочь певца, да не щади кнута!”

Только был изгнан шут, как со страшным грохотом и свистом влетела во двор запряженная четверкой лошадей колесница. Остановилась со скрежетом. Ловко спрыгнул на землю Эльяу. И хоть ноги его были босы, а с плеч свисало ветхое рубище, но лика величавые черты возносили пророка выше монарха. Глаза горели огнем, и сила и воля светились в них.

Он ворвался к пирующим и вперил беспощадный взор в царя израильского. Трепеща, среди глубокой тишины, царь встал. “Внемли, Ахав, словам Господа: “Ты убил, а еще и последуешь?” – воскликнул Эльяу, – Бог наведет на тебя зло и уничтожит род твой! Кто в потомстве твоём умрет в городе – того съедят псы, а кто сгинет в поле – того склюют птицы небесные! За раскаяние выйдет тебе милость, и потому кара придет после смерти твоей!”

Эльяу оборотился к Изевель и свирепым взглядом поднял с места оробевшую ненавистницу его. “О тебе вещал Господь: “Псы съедят Изевель в долине Изреэльской!” Эльяу помедлил и добавил: “Но искрою добра, что чуть тлеет в душе твоей, заслужишь послабление убиенному телу твоему!”

“Следуй за мной!” – приказал Эльяу купцу. Во дворе царского дома пророк сказал доносителю с глазу на глаз: “Велик грех твой, но благо, что не промолчал. Вижу нутро твое: в покаянии не скорбь о зле свершенном, а страх на себя зло

навлечь. Десятилетнее отшельничество станет искуплением. Молитвы при солнце и при луне торгашество заместят. Забудешь палаты и яства. Жилищем будет пещера в горах, пищей – корни, орехи да ягоды, питьем – вода из ключа!”

Эльяу взошел на колесницу, и лошади унесли его. Купец глядел вслед пыльному облаку и дивился: “Всяк, в ком хоть кроха сожаления – наказан. А записные лиходеи как будто безвинны. Иль есть запрет Небес не покушаться на вечное, пусть даже злое? Воистину, загадочны пути пророчеств!”

Эпилог

Вскоре после гневного пророчества Эльяу отправился Ахав на войну. Он возглавил союз нескольких царей против грозной ашурской армии. Ахав управлял колесницами, конными войсками, боевыми верблюдами и пехотинцами. За давностью лет и скудостью сведений никто не знает точно, сколько воинов сражалось под знаменами союза. Бой длился долго, прекращался и возобновлялся. Ахав сумел удержать свои и союзников владения, и армия завоевателей была остановлена.

В том бою сложил голову израильский монарх. Не от того ли безвременно прервался славный путь Ахава, что густая тень пророчества изгнала свет жизни из души его? Или сердце томилось болью неискупимого греха пред Навотом? Святые книги представили потомкам величие похоронного ше-

ствия. Тридцать шесть тысяч человек в разодранных одеждах провожали героя до места упокоения.

Ученики учеников Эльяу, и далее их ученики, рассудили, что Высшая сила вмешалась в судьбу царя: кольчуга монарха была тверже наконечника роковой стрелы, но волей Небес острое проникло в тело. Три великих греха они вменили в вину Ахаву: лелеял язычество, погубил Навота, взял в жены чужую.

Известно доподлинно из тех же уст, что любимому народом царю-герою нет доли в раю, ибо на Высшем суде чаша весов со злом перетянула чашу с добром. Душа его сошла в пятый отдел нижнего ада. В знак снисхождения к заслугам в суетном мире страстей, тамошний ангел зла, щадя великого постояльца, не подвергает его мукам, коими терзает прочих грешников. Но не узнал пощады царский род, и уничтожены были в нем все мочащиеся к стене.

Изевель вдовствовала недолго. За тяжкие преступления свои – упорство в язычестве и кровь Навота – наказана была по слову Эльяу. Она гордо встретила смерть и не страшилась убийц. Нам известно из Святых книг, что Изевель соблюдала заповедь приветствия новобрачных: пела, плясала и била в ладоши. Посему осуществилось предреченное пророком ослабление, и собаки не съели головы ее и не тронули ступни

ног и кисти рук – части тела, коими исполнялась заповедь.

Эльяу посвятил себя истреблению многобожества в израильском народе. Страстен, жесток и непримирим был в борьбе. Воспитал преемников, и те преуспели. Пророк окончил земной свой путь, вознесясь на небо в огненной колеснице.

Судьба обиженного Ахавом купца не оставила следа ни в людской памяти, ни в книгах, и посему не известна нам.

Прочие судьи сберегли жизни свои, а жизнь сберегает судей таких в веках и повсеместно, ибо некому судей судить, коли своя рука владыка.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word.